

ПРОЗА

Людмила Брагина

Родилась в 1967 году в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член союза журналистов России. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛАЗУРЬ

«Однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пальцами, нечаянно взглянула на улицу...»

«Пиковая дама» Александр Пушкин

«Очень красивый и трудный узор,
я сама его выбирала, и сама вышиваю...
— Да и хорошо же вышиванье-то!»

«Барышня Лиза» Федор Соллогуб

Немудрено, что Люба проспала. В комнате было тихо, сумрачно и душновато. Небо за окном затянуло тяжёлыми сизыми тучами, разбухшими от влаги и ждущими только дуновения ветерка, чтобы разразиться сильнейшим ливнем над городом. Первым желанием было позвонить на работу, сказать больно́й, а потом, заварив крепкого сладкого чая и бросив в чашку прозрачную солнечную дольку лимона, перечитывать, растягивая удовольствие, булгаковские строчки о грозах над древними и великими городами.

Но перед глазами незвано-непрощено всплыла постная физиономия главбухши, беззвучно шевелящей бледными и тонкими губами, незакрытые кварталные отчёты, а из-под одеяла высунула нос сонная Ивушка. Мечты отошли на второй план и растворились в повседневной суете. Наскоро умывшись, Люба scomандовала себе и, всё ещё сонно посапывающей на кровати, собаке: «гулять!» Через три минуты

они выскочили навстречу стихиям. Прогулка прошла в почти спортивном темпе, а шквальный ветер и первые крупные капли начинающегося ливня заставили обеих выдать мощный финальный спурт, словно их силком заталкивали обратно в подъезд.

Сбросив обувь, Люба побежала в ванную и открыла кран:
– Ивушка, ко мне! Лапки мыть!

В ответ тишина, коридор пуст.

– Ива, бегом сюда!

И снова никого.

– Мне на работу надо собираться! Где ты есть?!

Первым делом Люба выглянула в тамбур. Раз было уже такое, когда Ивушка замечталась и отстала, а потом скулила на весь подъезд. За дверью собаки не было. На кухне, возле воделенного и запретного мусорного ведра, тоже.

Люба растерянно оглядывалась по сторонам, выискивая укромные места, где можно спрятаться. Но, с другой стороны, зачем? Почему Ива не отзывается? Это так не похоже на неё. В груди хозяйки повеяло неприятным холодком, а в глазах заплескалась паника. Чтобы собраться с мыслями и решить, что делать дальше, Люба зашла в спальню и присела на кровать.

Рядом на подушке, свернувшись калачиком, сладко посапывала Ива. Глаза у неё были томно прикрыты, но большие пушистые уши чутко подрагивали.

– С грязными ногами на мою подушку залезла! Да ещё и притворяешься, что не слышала, как я тебя зову. Бессовестная ты собака!

Ива выпорхнула пташкой в коридор на свой коврик и приняла вид неусыпного и неподкупного сторожа.

«Столько времени потеряла из-за этой пройды!» – с досадой подумала Люба. Коты за ночь наскакались и где-то дрыхли. Хозяйка насыпала в три плоски корма и две из них поставила на подоконник, чтобы Ивка не решила, что у неё сегодня шведский стол.

На свой завтрак времени уже не оставалось. А тут ещё и хляби небесные отверзаются. Люба скептически осмотрела свой маленький и хилый, в сравнении с надвинувшейся громадой из дождевых туч, зонтик, и стала мрачно запихивать его в набитую всякой всячиной сумку. Застёгиваясь, молния

по-кошачьи выгнула спину с маленькими гибкими позвонками, а сама сумка потеряла прямоугольную категоричность и стала ближе к более совершенной геометрической фигуре – шару.

Решив сбросить балласт, Люба сунула руку в неведомый хаос и тут же под ноготь ей вонзилась металлическая игла щётки для волос.

– Оййй...

Зажмурившись от пульсирующей боли в пальце, Люба сунула его в рот, а другой рукой схватила сумку и вытряхнула из неё всё содержимое на письменный стол. Куча была похожа на пёстрый и причудливый муравейник. Наверху оказались кошелёк, набитый магазинными и банковскими карточками, мелкими деньгами, визитками юристов, стоматологов, сантехников и прочих нужных полезных людей, клочками бумажек с неопознанными именами и зашифрованными комбинациями чисел.

Тут Люба вспомнила, что у неё есть чёрный кожаный ремень с крошечной поясной сумочкой на нём. Девушка быстро сунула в неё пластиковую карточку, несколько купюр и защёлкнула на кнопочку. Она не стала вдевать ремень в джинсовые брюки, а просто застегнула его поверх тонкого серого джемпера, схватила зонтик и побежала на работу.

Раскрасневшаяся и растрепанная влетела в бухгалтерию, как раз в разгар чайной церемонии.

– Что это вы, Люба, всё опаздываете? – главбухша неспешно отхлебнула кофе со сгущёнкой и с кислой миной чуть надкусила увесистый кусок торта.

Старательно отводя глаза от тарелок с колбасно-сырными бутербродами и соленьями, лавируя взглядом между блюдцами с пряниками и вафлями, филигранно огибая им вазочки с вареньем и мёдом, Люба покаянно опустила голову.

– Извините, Лариса Эдуардовна, закопалась, зонтик в сумку не влазил.

И сразу почувствовала жгучие взгляды коллег, словно три пары лазерных лучей скрестились у неё на поясе.

– В такой сумочке только презервативы носят, – игриво подмигнула Марина Ивановна, — вот и опаздывают потом!

Она была постарше всех своих коллег, коренастая и плотная, с завивкой, которую Люба видела в детстве у маминых

подруг. На работе Марина Ивановна носила бесформенные трикотажные блузки неопределённых оттенков. В отделе безопасности работал её муж, в чем-то неуловимо похожий на неё. Он иногда заглядывал в бухгалтерию, и супруги шёпотом подолгу что-то обсуждали.

От заблестевших озорным блеском глаз Марины Ивановны, Любины уши и щёки загорелись, стало неловко и жарко. Она бочком пробралась к своему столу, заваленному папками, села и включила компьютер. «А лисички взяли спички, к морю синему пошли, море синее зажгли», – крутилось на языке.

– А сложить его не пробовали? – с видом умирающего лебедя подала свой голос Соня-тихоня, сидевшая за столом в углу у окна с декоративными кактусами на подоконнике, и скривила в усмешке бескровные губы.

Лариса Эдуардовна поощрительно кивнула головой и изобразила на лице подобие улыбки.

«Господи, хоть бы не стать от такой работы толстой нервной тёткой», – подумала Люба.

Но вслух ничего не сказала, незаметно положила на колени «Мастера и Маргариту», раскрыла на столе папку с балансом и погрузилась в чтение. А коллеги вернулись к прерванному разговору.

– Как же вы там изъяснялись, по-английски?

– Да какой там английский, я ж не в зуб ногой, да и Коля туда же. Они там все на туристов заточены, вот пусть сами язык и ломают.

– А если поесть чего купить, тогда как?

– А руки на что? – Марина Ивановна раскрыла ладонь и зашевелила толстыми пальцами, – вот это значит осьминог! А это, – она выгнула сложенные вместе пальцы горбиком – креветки!

– И тайцы что, понимают? – недоверчиво хмыкнула Лариса Эдуардовна.

– И ещё как! Мы им заказ показываем, а они нам цену на калькуляторе, – Марина Ивановна протянула вперед руку с воображаемым калькулятором и изобразила слащавую угодливую улыбочку, склонив голову набок.

– И что ж вы там ели? – подчеркнуто отстраненно, но с плохо скрытой завистливой ноткой в голосе поинтересовалась Соня.

– Ой, да всё, что не приколочено! Только оно там у них или с сахаром всё, или с перцем. Сколько не талдычь им «ноу спайси», ни фи́га не работает. Вообще мы всё время там что-то хомячили, но старались больше налегать на фрукты, морепродукты, ну и все супчики их знаменитые перепробовали Том-Ям, Том Кха Каи...

– Да вы, Марина Ивановна, ведьма, – шумно вздохнула Лариса Эдуардовна, – Одни постоянно на диетах сидят, чтоб не толстеть, а другие едят, что захотят...

Марина прямо зарделась от удовольствия:

– Да немножко-таки прилипло к бокам. Чего ж мы только с Колей не попробовали! И змей, и крокодилов, и акулу. А через неделю так нашего черного хлеба захотелось и картошечки жареной, аж зубы чесались!

– А жуков и кузнечиков пробовали? – не спешила сдаваться чужому счастьем дотошная Соня.

– Я хотела! На вечерних рынках столько этих насекомых было: саранча, бамбуковые черви, коконы шелкопряда, сверчки, скорпионы! – Марина Ивановна аж слюну сглотнула. – Помню, как-то нам дед попался с тележкой таракашек, весёлый такой, прямо при нас их жарил и на барабанах играл! Ещё и матерился по-русски! У них эти полевые кухни, макашницами называются. Вот они эту живность при тебе в чан с кипящим маслом кинут, через минутку вытащат, соевым соусом сбрызнут, чёрным перчиком и зеленью посыпят, завернут.

– И?...

– И покупатели горяченькими хрустят, как чипсами. А Колюня мой уперся, словно рогом, и ни в какую. Я ему: зря, что ли мы сто часов болтались в небе, чтоб потом всего бояться и стесняться? Это же такой шанс! А он говорит: я тебя больше и за деньги не поцелую.

Чтение у Любы не пошло. Полёты на щётке над Москвой казались пресными. «Пойти, что ли гусениц наловить и нажать? Устроить себе персональный Таиланд?».

– А едой из этих макашниц вы не травились, там же, наверное, антисанитария жуткая?

– Да вообще ни разу! У меня желудок луженый, грех жаловаться.

– А я в Анапу сдуру поехала. Первые три дня после шторма водорослей столько нанесло, что в воду не войдёшь, не море -

болото. Потом их граблями повытаскивали, на берегу в кучи посваливали, вонь ещё неделю стояла. Немножко покупались, но как с моря идём, сын постоянно ноет «есть хочу, есть хочу», все нервы вымотал. Зашли в какую-то забегаловку на пляже, взяли шаурмы и так траванулись! Вечером температура подскочила, рвота фонтаном, понос никакой уголь, никакой имодиум не брал. Пришлось вернуться на неделю раньше. Как вспомню, и сейчас волосы на голове встают дыбом. Назад едем, в поезде жара 30 градусная, мы из туалета не вылазим, со всем вагоном переругались, нас оттуда с нарядом полиции вытаскивали! Как вернулись - сразу в инфекционку загремели. А теперь вот ничего нельзя, только каши рисовые да бульончики хлебать.

Главбухша страдальчески сморщилась, сложила бровки домиком и достала пакет с баночками. Соня засуетилась, метнулась к микроволновке и, как вышколенный швейцар, распахнула дверцу:

– Разогревайте, Лариса Эдуардовна, я потом!

Марина Ивановна с лоточками и кулёчками побежала на первый этаж, где в кабинете возле лифта обеспечивал надёжность и защиту Коля.

А Люба растерянно посмотрела на остатки торта и бутербродов и решила в перерыв выйти прогуляться.

Пару минут постояла на крыльце, вопросительно поглядывая на низкое небо. Дождь кружил где-то рядом, но пока ещё не собрался. В небольшую рощицу, что напротив работы, такую зелёную, звонкую, манящую прохладной свежестью в солнечный день, а сейчас просто тёмную, угрюмую и молчаливую, идти не хотелось. И Люба задумчиво побрела двоими по дорожке вверх, перешла через дорогу и оказалась у ворот фермерского рынка «Изобильный».

На прилавках высились горы всевозможных фруктов и овощей, их яркие краски расцветчивали общую серость дня и поднимали настроение.

Рынок жил в своём ритме, народ деловито сновал, торговался, толпился у прилавков. Надо всей этой суетой и ором витали, смешивались и околдовывали тёплые, пряные, сладкие ароматы сочной клубники, солнечных абрикосов, ранних дынь, влажной зелени.

Люба подошла к крайней палатке, где очередь была поменьше. Ей очень понравились персики: их бархатистые ру-

мяные бочка, налитые соком, так и притягивали взгляд. От них веяло солёным морским бризом и сквозь монотонный базарный шум Люба расслышала далёкие крики чаек, ночные вздохи волн у прибрежных валунов и вкрадчивый шёпот гальки. В детстве, она с мамой часто ездили в Крым. Порой их завтрак или ужин состоял только из фруктов, таких спелых, сочных и сладких, что не хотелось никакой другой еды.

Стоявший рядом с ней симпатичный молодой мужчина, взял пакет и только протянул руку, чтобы выбрать персики, как дородная красномордая торговка, возвышавшаяся над прилавками, гаркнула на весь ряд:

– Не лапайте! Переменёте все, а мне их потом продавать надо! Я вам сама наложу подряд!

Она торговала на пару с мужем, плюгавеньким мужичонкой в растянутой грязной футболке, который тут же подвякнул с идиотской ухмылкой:

– Это тебе не женская грудь, нечего их щупать!

– Вы тут ещё любовью займитесь! – раздались негодующие голоса сзади.

Люба с молодым человеком в немом изумлении замерли, глядя друг на друга, а потом синхронно уставились на персики.

Но, как оказалось, гневные пожелания были адресованы молодой студенческой паре, стоявшей в обнимку позади Любы. На них надвигались, грозно тряся бульдожьими брылями и выгалкивая из очереди, две желеобразные толстухи.

– А если хотите трахаться – яростно заорал проходивший мимо тощий и жилистый дед с ведром картошки, за которое цеплялась тонкой ручонкой девочка лет пяти, – трахайтесь на хате, а тут дети!

– Мы на рынок ходим за продуктами! Мы семьи кормим, а вы бессовестные, что вытворяете?! Что нам потом делать с нашими нервами? – уже вслед убегающим сконфуженным пареньку и девушке, стенала взбудораженная очередь.

– А потом удивляемся, что молодёжь стерильная – чальдфри, – сально ухмыльнулся седой приземистый коротышка, поддерживая и поглаживая снизу отвисший живот, – спугнули голубков.

Это подлило масла в огонь. Очередь загалдела, распалаясь всё сильнее. Но пузатый коротыш тут же принял суровый вид, как при выносе знамени:

– Я вот писателем работаю. Был в горячих и холодных точках волонтером. Увечье получил. – Он ткнул пальцем себе в щеку, через которую вертикально проходила застарелая кошачья царапина. – Уже чуть ли не ночую в вузах – всё толкую им о Родине, о Новороссии, о Сирии, о дне насущном. И что, думаете, знают они, кто такой Павка Корчагин или Молодая гвардия? Думаете, знают? Ан нет! Ни хрена они не знают, эти господа!

Он высморкался в пальцы, вытер их о пучок укропа на прилавке и продолжил свирепо:

– Ноль понятия! Молодёжь никакая! Школы и библиотеки – никакие! Заниматься патриотическим воспитанием – как в штыковую ходить!

Вернувшись на работу, Люба застала демонстрационный показ правой ноги Марины Ивановны. Она сняла босоножку, поддёрнула повыше юбку, и поставила ногу на стул, словно собираясь исполнить приватный танец. Нога была вполне обычная, целлюлитная, покрытая рыжеватым загаром, а вот у щиколотки багровело большое пятно.

– Вышли мы с Колюней из бара, коктейли там просто обалденные, и взяли на вечер пива местного. Приложились так душевно, а после пары – тройки банок, как водится, решили градус повысить. Мы домой презентов накупили и решили ещё из запасов одного Сан Саныча выдернуть.

– Кого-чего выдернуть?

– Ну, это наши так местный ром Санг Сом называют. Вообще вещь классная, мягкий, сладковатый, пахнет травками какими-то пряными и, главное, недорогой. Мы его сначала с пепси мешали, потом перешли на чистый. Тут мне в голову и шибануло, на подвиги потянуло, и решила я при луне искупаться. А Колю, наоборот, сморило и он в номере остался.

– Голой искупаться? – у Сони заблестели глаза и замерцали розовые пятнышки на щеках.

– Хм, до этого не дошло. Принесло меня на пляж, в голове туманы, а там...

– Что?

– Да что, иду я по берегу вся такая романтичная и вдруг под ногой что-то мягкое, склизкое, как вцепится! Да больно, будто ногой в куст крапивы влезла. Я от неожиданности на песок грохнулась и как заору! Там кое-где люди были, так они вместо того, чтобы помочь – поразбегались сволочи!

Люба вспомнила Чёрное море и фото, где она улыбается, держа за купол прозрачно-льдистую медузу, похожую на хрустальный колокольчик. Вспомнила и свои ощущения – какая морская жительница гладенькая и влажная. А потом, вернув её морю, радовалась, что та не потонула, а покачиваясь на воде, продолжила своё увлекательное путешествие, похожая на миниатюрный космический кораблик.

– Марина Ивановна, а в Тайланде люди на улицах целуются?

Марина прервала рассказ и просканировала взглядом-рентгеном Любу сверху вниз и обратно.

– Ну ты и спросила! С этим как-то всё сложно. С одной стороны, народ за разворотом туда ездит. Там той страны, кот заплакал, а только официально миллион проституток всех полов! В Паттайе они просто кишмя кишат! Мы как-то с Колей решили прогуляться по Волкин стрит, так они гроздьями цеплялись, шли как сквозь строй: то от одних, отбивались, то от других, то вообще не пойми от кого. А с другой, они, видишь ли, страна строгих моральных устоев и глубоких традиций. Прикинь, закон ввели запрещающий школьникам и студентам обниматься и целоваться, причем не только в общественных местах, но и в приватной обстановке! Типа мораль они нарушают.

– А если поймают, интересно, что будет?

– Ну, вроде как лекции им читают, а может, «свинью» как у нас раньше из вытрезвителя, в школу и родителям пришлют.

Марина Ивановна ещё раз пристально посмотрела на Любу и почти сочувственно резюмировала:

– Ты съезди в Турцию для начала, там хоть человеком себя почувствуешь.

Люба тяжело вздохнула и уткнулась в бумаги. Баланс не сходился.

– Привет, куркуляторы! Извините, что помешал вам деньги прятать! Вот вам оригиналы договоров, – просунулась в дверь коротко стриженная, похожая на кактус голова, а вслед за ней протиснулся и весь Сёма Бинкевич кипучий оборотливый менеджер из отдела продаж. – Что-то вы все печете, девушки, печете... – посетовал он, одной рукой засовывая в рот бутерброд с колбасой, а второй зачерпывая из

вазочки столовой ложкой клубничное варенье, и собираясь отправить туда же.

– Умница, Сёмочка, один ты всегда вовремя документы сдаешь – главная расплылась в приторной улыбке, – бери, ешь, сколько хочешь!

– И вы, девы, угощайтесь, упивайтесь, прелюбодействуйте!

Раскрасневшаяся и разулыбавшаяся Соня не сводила с Сёмы восторженного взгляда, Марина Ивановна уже наливала для Сёмочки чашечку чая, как дверь снова приоткрылась.

– Здравствуйте, – водитель Миша Вертяков потоптался на пороге, но поскольку на него никто не обратил внимания, нерешительно шагнул вперед. – Накладные на асфальт мне выпишете и счёт фактуру.

– Паспорт давай! – хищно зыркнула Марина Ивановна.

Миша, почуяв подвох, мотнул головой и как стреноженный конь начал переступать с ноги на ногу, угрожающе выпячивая костлявые коленки:

– У вас же есть все мои данные в базе, зачем?

– У нас-то есть, – она насмешливо оглядела его нескладную фигуру, – а вдруг у тебя ещё что появилось или убавилось...

Мужским вниманием сотрудницы «ДорСтроя» обделены не были, поскольку коллектив в основном состоял из сильной половины человечества: заветренных и продубленных солнцем работяг, силовых мастеров и прорабов, белых ИТР-овских воротничков, заносчивых добытчиков-менеджеров, маленькой закрытой касты айтишников. Но тут крылась одна немаловажная деталь. Когда Михаил Вертяков устроился на работу, было ему чуть за тридцать и в первый же день в курилке кадровичка многозначительно-смачно поделилась новостью: он – холост и женат ранее не был.

Издали Вертякова можно было принять за ходячий циркуль из школьной готовальни. Будучи высокого роста, он зажимал свою голову узкими плечами, а длинные и широко расставленные ноги довершали сходство. Вертяков был похож больше на затюканного студента ботана, чем на водителя, являя собой проф-антагониста сложившемуся образу матёрого небритого шоферюги. А в первую же пятницу выяснилось ещё одно диво дивное: Михаил был непьющий.

Все последующие три года Миша будоражил и дразнил неясными перспективами всю незамужнюю часть женского контингента. Если в перерыв он обедал в столовой, к его столу мгновенно устремлялись с подносами девицы из планового, экономического и нормировочного отделов. Он не сторонился их, но и не обнадеживал, только кивал в ответ на все пожелания приятного аппетита и утыкался взглядом и носом в тарелку или в стакан.

«Душнила занудный», – раздражённо фыркнула Соня после очередной неудачной попытки завести разговор с Вертляковым. Странного водителя подозревали и в гораздо худшем, но неустроенные и любопытные сотрудницы продолжали тянуться к непонятному, как мотыльки на огонь. Досужие кумушки пытались докопаться до истинных причин его целибата. Марина Ивановна подсылала к нему своего благоверного с доверительными мужскими разговорами, но тверёзый Миша проявлял удивительное соответствие своей говорящей фамилии. Он как-то незаметно уворачивался от прямых вопросов, заговаривал, заблачивал тему так, что собеседнику становилось скучно, тошно и тянуло в сон.

Как-то с месяц тому назад, Люба не пошла на обед, а осталась добить какие-то срочные сводки-сверки. Суется между монитором и ворохом бумаг на столе, попутно прихлёбывая чай из чашки, она не услышала, как в их кабинет вошел Миша. Скорее уловила легкий сквознячок.

Он молча прошёл и присел за стол напротив. Люба удивлённо подняла брови и вопросительно взглянула на молодого человека.

– Никого нет, все на перерыве.

– Можно я посижу?

– Что значит, посижу? Я тоже сейчас занята. Через полчаса приходи.

Вертляков кинул быстрый взгляд на дверь, потёр переносицу, погладил себя по щеке, заёрзал на стуле и остался сидеть на стуле как приклеенный.

Любе показалось, что Миша постоянно видоизменяется, как в старом мультике про пластилиновую ворону. Его непрерывные и неконтролируемые хаотичные движения вместе с неестественным выражением лица, начали уже напрягать, хотя угрозы девушка не чувствовала.

– А ты вообще по какому вопросу?

Его и без того тонкие губы сжались и вытянулись в нитку. Вертляков сгорбился, замер и угрюмо уставился в пол. Люба мудро решила тоже сделать паузу.

– Ну, тут, короче, такое дело, спёкся я. Женился.

Даже если бы она была не замужем, он ни как мужчина, ни как сослуживец не интересовал её от слова «совсем». Если мельком поздоровались на лестнице пару раз, так и то много. А на все эти смотрины-паломничества во время приёма пицци Люба только плечами пожимала, недоумевая - зачем так назойливо лезть к какому-то странному шофёру? «Я ему поп на исповеди что ли, с чего это он решил мне исповедаться? – раздосадовалась девушка. – Поработала спокойно, блин!» Но новость всё же оказалась неожиданной, и Люба отогнала всплеск возмущения.

– Поздравляю! Совет да любовь, как говорится. Если ты за материальной помощью, то это пока не к нам, а сначала к главному или в профком сходи.

Миша криво улыбнулся в ответ:

– Спасибо. Я другое спросить хочу. Вы вот тут с бумажками работаете, – он нервно открыл верхнюю папку «Касса» на столе у Сони и выхватил первый попавшийся листик, – а если, например, нужно печать свести, чем лучше?

– Положи на место и не трогай тут ничего! Какую печать? Ты что несёшь?

– Со странички – раздалось глухо, как из танка.

Люба оторопело уставилась на посетителя:

– Какой?

– Ну, четырнадцатой, в паспорте, «Семейное положение».

– Зачем?!

– Ну, мы с Леной ещё когда только начали встречаться, мне мама сразу истерику закатила: «выбирай или я, или она».

– А почему?

– Они с моим отцом в разводе, я у неё один, она меня вырастила, привыкла, что мы вместе всегда и что я ей обязан. К тому же Лена постарше...

– Прислушаться к её мнению, конечно, стоит, но решать-то тебе. Если мужику за тридцать, а за него решают с кем ему быть, значит, мозгов у него, как у тумбочки. И что ты ей на это сказал?

– Я не стал спорить, это все равно бы кончилось скандалом. Я как-то ещё в пятом классе ей вместо шоколадного сливочное мороженое купил, так она со мной две недели не разговаривала.

– Бойся меня — люби меня, понятно... Подожди, так в чём проблема-то?

– Мы год втихую встречались, а месяц назад Лена зале...

От возмущения Любу аж подбросило:

– Что?!

Миша заёрзал на стуле, закашлялся и поправился:

– Сказала, что ждёт ребёнка. Мы подали заявление и нас расписали.

– Как такое возможно? Не на улице же и не в кафе она забеременела?

– Ну я дома говорил, что меня в командировки в районы на пару дней в неделю посылают и жил это время у Лены. Так вот, вчера вдруг за ужином мама ни с того, ни с сего спрашивает: «Как там Лена поживает?» У меня чуть котлета в горле не застряла! «Хорошо поживает», – говорю. А она: «А откуда ты знаешь, вы же расстались?» «Ну, от кого-то слышал, что даже замуж вышла». И тут она выдает: «А не за тебя ли?» – улыбается, а взглядом, как перфоратором меня долбит.

Вертляков нервно сглотнул.

– Я поклялся, что, между нами, давно ничего нет, мы не видимся и не слышимся. И тогда она потребовала показать паспорт... Еле выкружил время до завтра, уже до сегодня, дескать, в машине забыл. А вечером она будет проверять.

Люба смотрела в его лицо и представляла, как он держит за руку и произносит этой незнакомой ей Лене: «клянусь быть с тобой в радости и печали, болезни и здравии, в богатстве и бедности, любить тебя и оберегать наш союз до конца жизни...»

– А скажи, если не секрет, из-за чего твои родители разошлись? Твой отец пил?

– Нет, не пил, он обманывал, изменял матери.

Люба грустно кивнула своим мыслям, всё подтвердилось.

– Так вот, там печать такая неясная, бледная, если правильно раствор подобрать, её совсем не видно будет... – продолжал бубнить отвратительный тягучий голос.

Люба вскочила и глядя в его суетливо бегающие глаза, громко отчеканила:

– Вон отсюда, жених недоделанный! И чтоб духу твоего здесь не было!

Миша бросился к двери и столкнулся с работницами бухгалтерии, которые в полном составе с радостно-возбужденными лицами, насмешливо изогнутыми губами, иронично улыбающимися глазами преградили шофёру путь к бегству и стали свидетелями его позора. Марина Ивановна ехидно пропела:

– А говорила, останусь поработать! А они тут отношения выясняют. Мы не рано вернулись?

– Вовремя! Сейчас все вместе будем печать сводить! Мы ж тут уже наловчились, поднатюрели в этом!

После того, как в бухгалтерии узнали о его истории с жень-тьбой, интерес к Мише не пропал, но принял другие, не-лестные для него формы. Про беспутного шофера Вертякова узнали все, включая техперсонал.

Ветеран «ДорСтроя» уборщица, по-новому клининг-менеджер, Христя Петровна Косарь, и та не упускала случая проехаться по пижонским ботинкам Вертякова насквозь мокрой, грязной, провонявшей аммиаком и хлоркой, тряпкой на швабре. А несменяемый вахтёр этого солидного учреждения Анатолий Митрофанович Зайцев, взбадривавший себя по утрам забористым шансоном из радиоприёмника и торкающим чифиром из хромированного термоса, грозил, пробежавшему мимо вертушки Вертякову, кулаком с наколотыми перстнями на пальцах и орал: «Дырявим кружку и под шконку!»

Предводительница местных соискательниц уз Гименея Оксана, та самая кадровичка, давшая путёвку в жизнь и возможность влиться в коллектив новому водителю, в перерыв направлялась, как и раньше, с подносом к его столику, но не садилась рядом. Тряхнув длинными разноцветными дредами и прикрыв смеющиеся чёрные глаза, кадровичка томно вопрошала:

– Кукусик, а не хочешь ли ты на мне жениццо?

А иногда просто останавливалась перед ним, как вкопанная, но потом, словно вспомнив что-то, меняла траекторию. Остальные отвергнутые и обманутые невесты осуждающе и насмешливо косились на Вертякова и шушукались.

Когда водитель в очередной раз зашёл в бухгалтерию за накладной, Марина Ивановна грозно сдвинула брови:

– Паспорт давай!

– Зачем?! – опешил Вертяков и стал затравленно озираться по сторонам.

– Пришла новая должностная инструкция! – сурово ответила бухгалтер. – Мы теперь обязаны при выписке накладных идентифицировать перевозчика по паспорту!

Вертяков покорно положил на стол паспорт как фиговый листок, прикрывавший его срамное место, и вид водителя приобрёл совсем жалкий вид.

– Ёлки, палки, лес густой, едет Ванька холостой... Таак, и куда это ты намылился? – не спеша перелистывала странички Мишиного паспорта Марина Ивановна.

– Мне в Чернянку надо ехать! Там бригада асфальт ждёт! – занервничал Вертяков.

– Вы там совсем охренели, в окно не смотрите? Дождь собирается! Снова в лужи будете свой асфальт сыпать?

– Я дороги не делаю. Мне сказали отвезти, я человек подневольный.

– Вот поэтому колдобины и выбоины на дорогах, что таким как ты все равно! Готовы что в грязь, что в снег народные деньги зарывать! А это и мои денежки между прочим!

Лариса Эдуардовна снизошла насмешливо:

– Ну что вы, Марина Ивановна, не знаете, это же народная примета: если дорожники с утра начали класть асфальт – это к дождю.

– Да какой с утра! Уже пятый час, а мне же ещё ехать! И людям работать надо. Выпишите мне бумаги, – раскипятился Вертяков.

– Может тебе ещё налоговую декларацию заполнить? Знаем какие вы работнички! Потом в эти ямы целые машины проваливаются, – злостно продолжала Марина, – нас за ваши «заплатки» на дорогах уже весь народ клянет! Сын боится из дома выходить, бардак развели.

Вертяков приосанился и сменил тактику:

– Для нас шоферов нет плохой погоды. Когда я вез саженцы в ботанический сад, шел град, зато какая теперь сирень там благоухает.

– Ну прям принц с обложки журнала «Сельские хроники». Больше ты ни на ком из нас не женат?

Вертяков зло прищурился в сторону Любы, но она не удостоила его своим вниманием.

Главная закатила глаза:

– Девочки, «мы тупеем на этой войне», но мы должны делать нашу работу. Выпишите уже ему эту накладную.

В дверях возникла Христя Петровна в длинных жёлтых резиновых перчатках по локоть, с цинковым ведром и почерневшей деревянной шваброй в руках. Пересчитав хищным и зорким ястребиным взглядом оставшиеся бутерброды и пряники на столе, она мотивированно потребовала:

– Рабочий день кончается, мне убираться надо, а тут всё «зудёшь» и «зудёшь» какая-то! Что ж вам неймётся-то? Идите уже по домам!

Через пять минут Марина Ивановна протянула Мише бумаги и паспорт. Бухгалтер как заправский гаишник козырнула и напутствовала: «Счастливого пути! В следующий раз быстро не женись!»

А рабочий день и правда закончился. Но Люба не чувствовала ни радости, ни облегчения. Казалось, этот киселеобразный, вязкий день продолжит тянуться за ней, как след за улиткой. До дома было полчаса пешком и столько же, если подождать на остановке битком набитую, душную, еле ползущую сквозь пробки маршрутку.

Люба выбрала первое. «Лето всё-таки, пройдусь по воздуху», – решила она. Надо было проветрить голову от всех этих нескончаемых и бесполезных разговоров, которые слились в один фоновый шум. Хорошо бы помечтать, как в детстве, увлечься какой-либо выдумкой, так, чтобы стёрлась граница между ней и реальностью.

Стал накрапывать дождик, почти неосязаемый и незаметный, больше похожий на легкий туман. Она брела с полужакрытыми глазами, подставляя лицо небу, вдыхала сырой тёплый воздух, и думала, что это похоже на ингаляции, которые ей назначали в поликлинике, когда у неё зимой был бронхит.

Потом пахнуло холодком, зашептались взволнованно верхушки деревьев, затрепетали листья берёз и тополей вдоль дороги, и послышался дальний раскат грома. Почти сразу на землю обрушился проливной обломный ливень. Ветер с шумом гнал стену воды, разворачивая и наклоняя её то в одну, то в другую сторону. Люба заметалась в поисках укрытия и вспомнила про зонтик. Но едва раскрыла его над собой,

как яростный порыв ветра вывернул шляпку спасительного средства наизнанку, а потом смял как нежный цветок вьюнка. Шток зонтика страдальчески хрустнул и надломился, а девушка вымокла до нитки.

«Довёз-таки Вертляков асфальт и бригада работающая попалась!» – горько усмехнулась себе Люба и помчалась, не разбирая дороги по кочкам и лужам к ближайшему торговому центру.

Чтобы переждать непогоду и немного обсохнуть, девушка бродила между сверкающими витринами, обходя работающие кондиционеры, от которых всё тело под мокрой одеждой покрывалось гусиной кожей, и начинал бить озноб. Одежда, обувь, сумки сливались в одно серое невыразительное пятно. Любимый часовой отдел был ничем не привлекательнее посудного. И всё же, чтобы хоть как-то разбудить свои эмоции, Люба попросила показать механические «Лонжин». Поднесла к уху и услышала мерное, тихое и таинственное «тик-так», на которое раньше сердце отзывалось радостно-восторженным удвоенным «тик-так-тик-так». В этот раз оно промолчало.

Люба равнодушно отдала их назад и перешла в обувной. Скользнув спокойным взглядом по полкам, с досадой отвернулась: даже если бы она была сороконожкой, ни кроссовок, ни туфелек ей не хотелось, что было самым обидным. Сверкающие и разящие лучи ювелирных витрин улетали «в молоко». Настырные скидки «с доплатой» навевали скуку – всего этого великолепия её душа не принимала.

Люба вдруг вспомнила, что, когда она была маленькая, в городе был один единственный ювелирный магазин «Топаз». Золото, как и многое другое, было тогда в дефиците, за ним отстаивали огромные очереди. Мама рассказывала, как сэкономила и откладывала с каждой полочки деньги на кольцо для дочери. Но и купить было непросто: как попасть в момент привоза, если целый день работаешь? Договаривалась с соседками, записывались, отмечались в списке.

Мама вынимала из маленькой бархатной коробочки золотой перстенёк с аленьким камушком и, нежно улыбаясь, говорила: «Вот подрастёшь, подарю тебе его и будешь носить!» Люба примеряла его на свои маленькие пальчики и каждый раз чувствовала холодок – не то от тяжёлого жёлтого металла, не то от картины давки и ругани в очереди, которую она

живо представляла себе. Девушка действительно получила перстень в подарок на шестнадцатилетние и некоторое время носила, но потом положила в коробочку и доставала редко.

По этой же причине Люба недолюбливала и другие атрибуты советского «благополучия» – ковры и хрусталь. С книгами получилось иначе: подписных изданий с золотыми корешками у них дома не стояло, но благодаря пяти библиотекам, в которых Люба была активной читательницей, книги были везде и еженедельно обновлялись.

В школьной она брала программные, в ближайшей к дому ей разрешалось проникать в святая святых – книгохранилище и выбирать литературу самой. Каждый раз она испытывала прямо-таки священный трепет, ощущая себя женщиной, допущенной в алтарь. Ещё в одной, маленьком и уютном филиальчике, дружелюбные весёлые библиотекари поили её чаем и угощали конфетами с печеньем, а она за это рассказывала истории из своей жизни и помогала заполнять формуляры. Но самой любимой была юношеская, до которой нужно было ехать в центр города остановок пять на автобусе. Там был отдел искусств, а Люба обожала читать жизнеописания художников и рассматривать репродукции их картин.

Её будущий муж Станислав, с которым она познакомилась ещё в ранней юности, каким-то стратегическим чутьем угадал в ней это пристрастие и в качестве первого подарка преподнёс Любе огромный, шикарно оформленный альбом «Искусство Византии». Запомнив произведённое подарком впечатление, он продолжал дарить ей художественные альбомы её любимых Саврасова, Шишкина, Врубеля. Но не долго, потом подарки стали заменяться полезным покупками, а спустя ещё какое-то время – нужными вещами...

Люба очнулась от воспоминаний и обратила внимание, что стоит, потеряв счёт времени, у дверей небольшого магазинчика с примечательной вывеской «Женское счастье». Печально улыбнувшись, она вошла внутрь. На полочках, прижавшись бочком к бочку, уютно расположились пушистые и гладенькие моточки пряжи всех цветов и оттенков, причудливыми морскими камушками раскинулись пришитые на картонках пуговицы, серебряным и золотистым блеском сверкали спицы, крючки и прочие приспособления для рукодельниц.

В углу на стуле восседала продавец без возраста с бесстрастным лицом и вязанием в руках. Впечатлительная и начитанная Люба заворуженно следила за движениями тончайшей нити, а в голове зловеще зажужжала кузнецовская «Муха»: «Я у дремлющей Парки в руках Нить твою задевала впотьмах, И она смертный стон издавала».

«Кто она из трех сестер, интересно: Нона или Децима?» – задумалась девушка. Имя третьей Люба даже мысленно страшилась назвать. И тут вязальщица медленно потянулась за ножницами. Люба в мистическом ужасе попятилась и была готова бежать от этого магазина подальше и без оглядки. Но внезапно туманный взор женщины-парки прояснился, она положила ножницы под прилавок и обратилась к Любе с извечным вопросом:

– Что вы хотите?

«Хочу быть счастливой, – чуть не вырвался ответ. Но вместо этого она вдруг спросила:

– А почему ваш магазин так называется?

Продавец понимающе улыбнулась, словно услышав невысказанное, и неожиданно продолжила:

– А вспомните, как начиналась «Сказка о царе Салтане»?

– «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...», – машинально произнесла Люба и начала смутно догадываться.

– Правильно! А что делали во время прядения эти девицы?

– Общались, мечтали, загадывали о будущем...

– Не просто мечтали, а создавали своё желанное будущее своими руками.

Люба кивнула, удивившись про себя как непрост наш лёгкий и солнечный гений. Знал он про греческих мойр и римских парок? Несомненно. И одним озорным движеньем пера усадил их в русскую светлицу прясть судьбы! А если ещё почитать вот отсюда: «и роди богатыря мне к исходу сентября» не в ночь ли под Рождество грел уши царь-государь «позады забора»?

– А в Рождество границы миров становятся тонкими. Прошлое, настоящее и будущее становятся одним целым, а слово и дело наполняются особой магической силой. Гоголю-то хоть верите? – прощбетала юная рыжеволосая девушка с ямочками на щеках за прилавком.

– Я обязательно что-нибудь у вас куплю, – выдохнула ошеломлённая Люба, глядя в её блестящие зелёные глаза и не

веря, что ещё миг назад ей казалось, что за вязанием сидела почти старуха.

– Выбирайте!

С раннего детства у Любы самым любимым увлечением была вышивка. Маленькой она часто сидела возле бабушки и, затаив дыхание, смотрела, как под её лёгкими руками на белом поле начинают проявляться нежные лепестки, а затем распустившиеся бутоны роз, неотличимые от настоящих. Казалось, что они благоухают и над вышивкой витает живой медовый аромат. Это было настоящее волшебство, которое затягивало и хотелось в нём участвовать.

Упросив бабушку дать ей канву и пяльцы, и самое главное, доверить основной магический предмет – иголку, Люба, прикусив кончик язычка от усердия, училась вышивать. А бабушка подавала ей разные ниточки и рассказывала про них: красные защищают от опасности и злых людей, на здоровье – жёлтые и оранжевые, к чистоте и верности сердечных чувств – зелёные и розовые. А заметив, что внучка устала или приуныла, забирала пяльцы со словами: «Сердце веселится, и розы цветут. Хватит, моя Любонька, а то грусть пришьёшь».

Рассеянно перелистывая стойку-книжку с наборами для вышивания, Люба вспомнила о том, сколько горя выпало на долгую бабушкину жизнь: революция и две войны, смерть троих деток, голод и изнуряющий, непосильный труд. Разве цвели её дороги розами, исполнялись заветные желания? Наивная вера в крестики из цветных ниточек на растущую луну и Параскеву Пятницу против мировых катастроф. И как выстояла, перенесла и вытерпела маленькая хрупкая женщина всё, что крушило огромные грозные армии, как сохранила в себе свет и тепло? Может быть для того, чтобы и её научить вышивать розы?

Люба зажмурилась и представила, что распахивает дверь в прекрасное далёко, произнеся про себя проверенное заклинание: «Куда сердце лежит, туда и око глядит». Перед ней открылось сверкающее под солнцем море с яркими разноцветными бликами на тёмной, густой синеве, сливающейся у горизонта с лазурным бездонным небом. Между небом и морем скользили лёгкие парусники, по скалисто-каменистому, но зелёному склону, к воде спускались красочные домики и всё это было пронизано покоем, радостью и светом.

– Это рай?

– Это Лигурийское побережье. Набор называется «Итальянская лазурь».

С картинки, как из окошка в лучезарный радостный мир, струился солнечный свет. Он волновал и вызывал в Любиной душе ощущение ожидания праздника. Не выпуская заветный пакет из рук, она заплатила две тысячи и побежала домой, не обращая внимания на всё ещё морозящий редкий дождь.

Как только Люба открыла входную дверь, радостное оживление сразу испарилось и настроение испортилось. В прихожей как Мамай прошёл. Мимо метельными вихрями пронеслись коты-болиды, за которыми стелилась позёмкой побелка.

– Привет, подай мне чёрный строительный маркер, – раздалось откуда-то сверху из кухни.

Станислав стоял на стремянке в наполеоновской треуголке, сделанной из газеты «Советская Россия». С мастерком в руке он примазывался к трудовому народу и одновременно глумился над цеховым братством штукатуров. Пол и стены были заляпаны извёсткой. Осторожно переступая через дрель, уровень, ведро с водой, разбросанные шпатели и валики, Люба добралась до маркера и подала его мастеру-ло-мастеру.

– А я хотела чаю выпить, на улице дождь...

– Некогда тут чай гонять, работать надо! Сколько эта разруха будет продолжаться?

«Шёл четвертый год войны...» – про себя грустно констатировала Люба, простившись с чаем, ужином и тихим вечером. Как достали эти ролевые игры в стиле садо-мазо. Эротики в них было меньше, чем в купании девяностолетнего дедушки. Вместо того, чтобы пригласить бригаду специалистов, он решил выместить свои детские обиды, компенсировать юношеские неудачи и продемонстрировать третичные половые признаки. Стас объявил «джихад» всему живому, что ещё осталось в квартире и частично соседям. От этого «ремонта» Любе хотелось бежать куда глаза глядят из собственного дома.

– Ты с Ивой гулял?

– Гулял, – раздражённо буркнул Стас.

– А где она?

– Блин! Ну не дадут поработать! - Он покрутил головой, с досадой спустился и распахнул дверь в ванную. В мойке молча стояла и дрожала Ивушка, лапки её скользили, она переминалась, старалась удержать равновесие. – Лапы помыл, тут телефон зазвонил, вот и забыла спустить...

Муж вернулся на стремянку.

Оставляя на белом полу чёткие следы мокрых лап, перепуганная и плачущая Ива носилась по квартире, а потом спряталась в укрытие под телефонной тумбочкой, поджала хвост и затаилась. Люба содрогнулась, предвидя внеочередную генеральную уборку.

– Чёрт! Колпачок упал! Помоги! – раздался вопль из кухни.

– Ну я пока не вижу, где он. Тут много всего...

– Вот же гад, ведь лежит где-то и молчит! Какие идиоты делают такие колпачки?!

– Какие такие?

– Отскакивающие! Укатывающиеся. Надо, как ручки в библиотеках – на верёвочке. Небось, он упал, а собака прибежала, схватила и к себе заныкала.

Под собачьим ковриком лежали только пуговичка и десять рублей. Колпачка не было.

– Наверное, съела. Рентген ей надо сделать!

«Господи, дай мне терпения!»

Люба пошла в спальню, сняла мокрую одежду, взяла полотенце и сухую футболку, собираясь в душ. И тут Стас взвыл нечеловеческим голосом. Из кухни раздавался грохот металла и рёв:

– Я вас поубиваю сейчас всех!

Люба, бросив всё на кровать, кинулась на место катастрофы. Проскакав по кухонному бездорожью, ей в ноги врезались ополоумевшие коты и скрылись под ванной. Разъярённый Стас схватил швабру и стал тыкать под ванную, намереваясь достать самые дальние углы с притаившимися там пушистыми бедокурами.

– Да оставь ты их в покое! Что они тебе сделали, эти мелкие пакостники?

– Смотри, что они сделали! – выкрикнул Стас и спустил спортивные. От паха вниз тянулись глубокие кровоточащие царапины. – Они меня кастрировать хотели! Я стоял, потолок шпаклевал, а они с разбега по мне как по дереву!

«Ну кто-то же должен был за меня отомстить!»

– Сейчас продезинфицируем, полечим, не волнуйся.

Всё ещё обиженная, Люба намазала царапины погуще зелёной и не подула.

– Да зачем зелёной, надо было перекисью, – шипел Стас. – Как я раздеваться на людях буду?

– Что?!

– Ну на пляже, ещё ведь сезон.

– Ну скажешь, если спросят, что тебе аппендицит вырезали. Или в горячих точках пуля навывлет прошла, ещё и героем станешь. Шрамы, как известно, украшают настоящих мужчин.

Бросив недоверчивый взгляд на так и не одевшуюся Любу, Стас подобрел:

– Ладно, хрен с ними, пусть живут. Продолжим.

И снова отправился на кухню. Первое, что ему попало на глаза – конечно же, злосчастный маркер, лежащий на полу.

– Надо найти колпачок, иначе маркер засохнет. А его только неделю назад купил за 160 рублей!

Люба незаметно сняла крышку и указала мужу на кастрюлю, стоявшую на плите.

– Да он в манную кашу, наверное, упал. Помнишь рассказ про Таню-революционерку, как она шрифт для прокламаций в кувшин с молоком от жандармов и казаков спрятала? Давай я тебе в тарелку лучше положу, так быстрее найдётся. Только ты ешь не спеши.

Стас достал из холодильника бутылку водки, налил в рюмку, наставительно пояснив:

– Для дезинфекции: тьфу-тьфу-тьфу три раза – уйди вон зараза.

Доев вторую тарелку каши, он успокоился, тема колпачка перешла в разряд второстепенных, взглянув на часы Стас спохватился:

– Там «Постскриптум» начинается, ты тут ничего не трогай, я посмотрю и вернусь.

Заглянув через полчаса в зал, Люба увидела мирно храпящего в кресле «телезрителя», выключила телевизор, свет и тихо вышла.

Из последних сил домывая полы и стены, ровно в полночь Люба бросила тряпку и пошла превращаться из Золушки в Спящую красавицу.

Девушка приняла контрастный душ, расчесала волосы и понадеялась, что как только доберётся до подушки, сразу уснёт. Но сон не приходил. Люба забила в поисковике фазу Луны. Календарь показывал новолуние. И тут она вспомнила о своей покупке. Всё совпадало и благоприятствовало. Начинать вышивать мечту, да и вообще браться за такое важное дело нужно на растущей луне, то есть завтра, и совсем не случайно именно сегодня разыгрались стихии и её коснулась тень будущего.

На следующий день, вернувшись с работы, Люба с облегчением отметила, что ремонтные демоны, терзавшие душу Стаса, отступили перед дачными. На столе лежала записка: «Поехал спасать картошку. Вернусь завтра».

Дождавшись появления на небе молодого, бледно-зеленоватого серпика месяца, с учащённо бьющимся сердцем Люба раскрыла пакет, достала нитки и начала рассматривать схему. Набор был сложный, многоцветный, с полным заполнением канвы. Будущая картина сорок пять на двадцать шесть сантиметров, а вот крестиков на этой небольшой площади оказалось тридцать пять с половиной тысяч!

Но пускать это на самотёк, значит уподобиться горе-ремонтнику. Всё существо её воспротивилось. «Я могу умереть в любой момент, и не хочу без цели и смысла и дальше плыть по течению будничной рутины и чужой воли. Это всё-таки моя жизнь, я начну заново творить свои мечты и у меня хватит решимости!»

Подумав так и произведя некоторые нехитрые расчёты, Люба поставила перед собой мегазадачу: она будет шить каждый день, по три часа, по сто тридцать крестиков в час, и через три месяца картина должна быть готова. Самое сложное в этом было не пропускать ни одного дня. Но ведь это не какая-нибудь подёнщина, а знак судьбы, и, значит, нужно начинать не откладывая. И она выбрала центр вышивки, загадала невысказанное желание и с первым крестиком начала оживлять чистое полотно.

В первый день она творила облака. Иголка, как Боинг легко и серебристо прошивала пространство, и нитки скользили, точно белый след за самолётом. Три часа пролетели на одном дыхании. Когда на следующий день Люба была занята отделением тверди небесной от воды, вернулся Стас.

– Чего ты сидишь над этим столько времени, других дел дома нет? – проговорил он явно недовольным голосом. – Я там жуков колорадских травил, знаешь сколько их там?!

Картошки у них было две сотки, представить сколько там было жуков она могла, примерно столько же, сколько и в прошлом году, и позапрошлом, и два года назад, если только не случилось никакой биологической диверсии.

– И ты их два дня травил что ли?

– Я там так надышался отравой, так вымотался, пришлось на пруд сходить, искупаться. Поплавал, хоть немного легче стало. Потом зашёл к Семёну, он как раз баню растопил, попарились, он рассказывал про кротов.

– Что про кротов?

– Ну как он с ними боролся, когда в Сибири жил. Поджарь лучше картошки!

Теперь после работы Люба засекала время и самыми короткими дорожками, а родной город она знала отлично, устремлялась домой. Пританцовывая, готовила ужин, и чтобы не терять драгоценного времени, на ходу съедала свою половину и пока было светло садилась у окна.

Помнится в детстве, была такая чудесная игра в «секретки». В приметном, но укромном месте, например, под берёзкой или кустиком сирени, в земле вырывалась небольшая ямка, на доньшко стелили кусочек конфетной фольги, а на нём раскладывались – пёрышко, ракушка, цветочек, бусинка, что было припасено «особо ценного». Сверху всё это сокровище накрывалось стёклышком, присыпалось землёй и помечалось прутиком. А потом тайничок показывался лучшему другу или подружке. Замирая от ожидания чуда, медленно-медленно пальцем расчищали окошко и любовались красотой.

Вот так, примерно, появлялись на белом холсте густые кроны деревьев, тёмная кромка моря у горизонта, тёплое и чувственное небо Италии, «небо Торквата»... И вторя словам поэта, Любина душа рвалась, объятая нетерпением, высвободить эту красоту и выпорхнуть в неё, как птичка из клетки на волю.

Когда стали появляться мачты, белые и алые паруса лодок и яхт, супруг, заглядывая через плечо, поинтересовался: что это она шьёт?

– Кажется, Портофино...

– Это куда звёзды отдыхать ездят? Они там и так уже еле помещаются, и ты тоже что ли туда собралась?

Люба грустно посмотрела на мужа и отвернулась, чтобы скрыть подступившие к глазам слёзы. Она не отдыхала больше десяти лет. На работе никогда не возражали против её отпуска в летние месяцы. Но как только он приближался, начинали происходить необъяснимые события. Сначала заболел муж. Он позвонил с дачи и слабым голосом сообщил, что умирает. Люба тогда испугалась так, что у неё похолодели руки, ноги и одеревенело всё тело. На грани обморока, нашла силы вызвать такси, помчалась на садовый участок. Ехала и думала, что, если он просто устал или ещё чего хуже, выпил, она его сама убьёт. Стас сидел под деревом с закрытыми глазами, красный и горячий. Вдвоём с таксистом подняли, посадили в машину, привезли домой.

Стаса колотил сильный озноб, он стонал и жаловался на жуткую головную боль. Ртутный столбик градусника показал 40, а тонометр выдал на ЖК экране 200 на 120. Любу накрыл ужас. Приехала скорая помощь, сделала литический укол и уехала. Наутро все повторилось снова. Из поликлиники пришла терапевт, назначила противовирусные с антибиотиками, обильное питьё и выписала больничный.

Ночью добавились судороги, тошнота и рвота, и опять приезжала скорая. Конечно же, предложили больному не шутить с такими симптомами и ехать в больницу. Но муж упрямо отказался от госпитализации, обругал бригаду «ковалами», отвернулся к стенке и уснул. Через день по ноге у Стаса стало расплзаться багрово-синее пятно, а сама нога распухла и покрылась кровавыми пузырьками. Погуглив симптомы, Люба поняла, что это могло быть только рожистое воспаление кожи или рожа – болезнь, о которой она раньше даже не слышала.

Вызванный инфекционист подтвердил её диагноз и страшно удивился, что больной до сих дома: «С таким тяжёлым течением болезни госпитализация обязательна – нужны регулярные обработки поражённой ноги, уколы по часам, наблюдение специалистов! Как же так?! Вы что, маленькие, не понимаете, что нельзя пускать это на самотёк?!» Врач возмущённо выговаривал им, а обозлённый Стас, приподняв-

шись на подушках, быстро и нервно подписывал отказные бумаги. После ухода инфекциониста он послал Любу с рецептами в аптеку. И почти месяц она ставила инъекции, обрабатывала лопающиеся пузырьки, давала таблетки, готовила лёгкую калорийную пищу, ну и всё остальное, на что оставались силы. Рожа возвращалась ещё два раза, так же летом и так же внезапно, страшно и на длительное время.

А потом попала в беду мама. Она поехала на дачу и, выходя из автобуса, только стала одной ногой на тротуар, как водитель, не глянув в зеркало и не закрывая дверей, начал движение. Любе позвонили из отделения травматологии уже к вечеру. Причём не врачи или медсёстры, а соседка по больничной палате.

Страшный диагноз – перелом шейки бедра – врач вынес с интонацией, в которой отчётливо слышалось: «смирись с неизбежным». Люба видела муку и обречённость в глазах бабушек, лежавших в больнице с такими же переломами. Потом их выписывали и отправляли домой умирать. Она денно и ночью молилась, чтобы маме выпал шанс попасть на остеопластику. И судьба улыбнулась им. После успешной операции Люба забрала маму к себе и ровно год ушёл, на то, чтобы научить её ходить заново. А ещё на два года растянулись хождения по следователям, адвокатам, судам и страховым компаниям.

Спустя год, когда утром Стас шёл на работу в метель, на пешеходном переходе его сбила машина. Этот страшный день запомнился Любе фразой: «оскольчатые переломы правой и левой голени со смещением отломков» и нахальным лицом водителя новенькой тойоты, совавшего ей смехотворные денежные бумажки...

Отделение травмы стало ей вторым домом. И наяву, и в коротких снах, похожих на забытье, она просит и просит врачей о помощи, возит мужа на инвалидной коляске, потом поддерживает, когда он делает первые короткие шаги на ходунках, радуется, когда палка возвращается за шкаф и он сначала идёт в бассейн, а потом возвращается в клуб любителей бега...

«Ладно, собралась и собралась, всем на земле хватит места под солнцем», – и Люба упорно и терпеливо продолжила вышивать. Результат вдохновлял: чудесная картина увеличивалась,

раздвигалась и Люба прямо ощущала на щеке тепло солнечно-го света, а море блистало, лучилось и всё настойчивее звало её своим тихим плеском, скрипом уключин, криком чаек.

Иногда ныла спина и затекала шея, тогда она вставала, включала музыку, в основном шансон, он её бодрил, делала зарядку, и с отличным настроением и новыми силами возвращалась к вышивке.

Стас, наоборот, шансон терпеть не мог, по причине сугубо профессиональной: он был инженер по различным сигнализациям. Его фирма обслуживала исправительные учреждения, а там они почему-то постоянно выходили из строя. Скорее всего местные обитатели были с ярко выраженным техническим уклоном. Как только на «зоне» что-то сгорало или ломалось, его вызывали разбираться и устранять.

Первое время он часами отмывался в ванной от какого-то особенного запаха, который, как ему казалось, пропитал его насквозь, плохо спал по ночам и хотел уволиться. Но потом успокоился и даже втянулся. Когда был на работе, на Любины звонки оптимистично отвечал: «Мотаю срок, откинусь, позвоню».

Когда она делала разминку под Наговицына, Кучина, Бобкова или Петлюру, Стас морщился:

– Господи, с тобой биполярку схватить – раз плюнуть. Сидит у окошка вся такая тургеневская барышня, крестиком вышивает, как ей и положено, и тут на тебе «вечер в хату»: «цифирок, кипяток, папиросочка». Прямо ненормированный рабочий день какой-то. Неужели нельзя под нормальную музыку зарядку делать?»

– Под «Лебединое озеро» товарища Саахова зарезать пытались, Брежнева хоронили и в Москву танки входили, а я человек мирный и далёкий от политики, в отличие от некоторых, – невинно поясняла Люба, незаметно увеличивая громкость.

Хотя, в глубине души, Люба испытывала определённое чувство благодарности к некоторым телепередачам, типа «Постскриптума» по субботам. Но нескончаемые, вроде «Санты-Барбары», «Время» и «Вести», рекомендованные к обязательному приёму ежевечерне, как скипидарные ванны, терпела с трудом.

Стас вперялся в экран так, что, казалось, он весь там, а в комнате находится только его оболочка. Любе иногда хо-

телось выключить телевизор и посмотреть, что будет, но она побаивалась, а вдруг, и правда? Но и выключить было не так-то просто: Стас, как одержимый, не выпускал пульт из рук, перескакивая с канала на канал, давил на кнопки, словно старался выжать из телевизора все новости, как фреш, до последней капельки. Глаза его светились фанатичным блеском. В его расширенных зрачках взлетали и взрывались самолёты, в них отражались военные перевороты, коробки и квартиры с наворованными коррупционерами миллионами и миллиардами, молились и погибали заложники, тонули в холодных штормовых водах дети. Любе было страшно смотреть в эти глаза, гораздо страшнее, чем на экран. Иногда, напивавшись энергией под завязку, муж засыпал. Она на цыпочках подходила и пыталась тихонечко вытащить у него из рук этот жуткий «тренажёр для пальцев». Внезапно Стас широко открывал глаза и грозил пальцем: «Не трогай, я смотрю!»

Первый раз Люба аж взвизгнула. Для неё это было похлеще гоголевской панночки.

– Ты, как старый дед, спишь с телевизором!

– Да ладно, чего ты пищишь? Я тебя разве чем-то напугал?

– Я может, вообще подумала, что ты умер – телек работает, а у тебя глаза закрыты.

– Я, как индийский йог и сплю, и смотрю.

– Ага, был там такой йог, который в пещере сидел, не пил-не ел, то ли умер, то ли нет, так его местные жители золотой краской покрасили и стали поклоняться, как Будде.

Стас заулыбался, сравнение ему явно пришлось по душе.

– А я тебя тоже водоземлюсионной побелю и на кладбище продам, с надписью «жертва зомбоящика».

– Сильно не заламывай, я к тебе ещё приду, и будет у тебя мелкий семейный бизнес. – Стас прямо взбодрился и повеселел, и кивнул на экран.

– Ты всё над своим Портофино чахнешь, глаза портишь, а их вон сколько в Питер на экономический форум понаехало, все каналы забили партнёры да почётные гости. В прошлом году «последний из могикан» на Алтае «Ой-ой-ым» пел и рыбу ловил, теперь ещё эти. Скоро вся Италия в моих тапочках ходить будет!

Затягивая нитку в иголку, Люба рассеянно подняла голову:

– Почему?

– Да потому что им всем у нас мёдом намазано. Даже в войну вслед за Гитлером к нам за своей долей потащились. Хацпетовку взяли и на радостях напились, а потом ещё и подрались с немцами в местном кинотеатре! Хотя Гитлер их за солдат никогда не считал. Да что говорить, если они сами про себя пишут: «Итальянская армия никогда не отступает, она делает разворот и продолжает наступление». Хотя диверсанты из них получались хорошие, украсть или взорвать — это к ним, это у них в генах, наверное. У меня на работе бухгалтер, мы её называем Белокурая Жози, раньше жила в Новосибе, у неё своё турагентство было, деньги, сама красотка – выбирай любого, так нет – подавай ей итальянца. Нашла на сайте знакомств, завязалась переписка, в скайпе слюни-сопли, и так крышу бабе сорвало, что полетела к нему, что тот лепесток через запад на восток, через север, через юг... Он, правда, оплатить ей эти полёты обещал, а на деле протаскал её по пиццериям три дня, а на четвёртый, когда она домой собралась и про деньги напомнила, заплакал и сказал, что не хочет, чтобы она его покидала! И так безутешно рыдал, пока она домой не улетела.

– Везде уроды встречаются, зачем обобщать. Мне кажется, это у тебя чисто мужская ревность говорит, что она предпочла итальянца своим соотечественникам.

– Ревность? – Стас усмехнулся, – погоди, это ещё не всё. Она уже здесь ещё одного нашла, там же. Этот к ней сам прилетел, под видом романтических свиданий все закрутки на зиму у неё выел. А она уже «учёная», говорит ему – восполни! Повезла итальяшку на дачу, научила помидоры мариновать, в банки закатывать. Он вроде старался, пыхтел, крутил, а как только уехал, тут мины замедленного действия и пошли срабатывать! Бабахали так, что соседи на улицу выбежали, думали газ. О, смотри-смотри, посла Италии показывают. Красавчик какой, Цезаре Рагальини. Хотела бы себе такую фамилию?

– Что ты ко мне со своими итальянцами пристал? Вашей Белокурой Жози такие вопросы задавай! Можно подумать, что я эту картину вышиваю, чтобы найти итальянца!

– А зачем тогда ты её вышиваешь?

Люба, помня бабушкин совет никогда не работать в плохом настроении, в сердцах сложила вышивку и не отвечая пошла на кухню.

– Правильно, приготовь на ужин пасты. Самый вернейший путь к сердцу...

Картинка расширилась, как круги на воде. Белые лодки скользили, обгоняя друг друга, по синему сверкающему зеркалу водной глади. Люба растворялась в этом просторе, её наполняло чувство ликующей свободы, она чувствовала на губах солёный тёплый бриз, слышала трепет и хлопанье парусов над головой. Высокий силуэт мужчины, стоящего на носу лодки, проплывающей мимо под багряным парусом, показался ей смутно знакомым. Хотелось рассмотреть его лицо, вдруг это Джордж Клуни или вообще Брэд Питт, но тень вмиг растворилась в солнечном мареве.

Каждый раз, садясь за свои ежедневные 390 крестиков, она успокаивалась, собиралась с мыслями и, словно беседуя с самым лучшим и верным другом, спрашивала себя – «чего же я хочу?»

Любе хотелось не просто поехать отдохнуть. Она загадала и ждала от этого яркого итальянского чуда большего. Устав от серой предсказуемой обыденности, заезженной колеи ежедневных забот, постоянного ощущения безвыходности из этого замкнутого круга, встречая каждый новый день, как врага, отнимающего у неё силы и саму жизнь, девушке хотелось родиться заново. И чтобы в её новой судьбе не было случайных людей, вредного для её здоровья климата, слабости и неверия в себя. Переходя к новому цвету, она продевала нитку в иголку и легко проводила по нитке пальцами сверху вниз, словно выравнивая свои перепутанные мысли и дороги. Её дыхание тоже выравнивалось, становилось ритмичным, крестики получались шелковистыми, яркими, наполненными объёмом.

Утром Любу разбудил визгливый скулёж дверцы шкафа и шуршание пакетов. Она открыла глаза и увидела Стаса, уже одетого и с рюкзаком за спиной. Он нервно рылся в шкафу. Увидев, что Люба проснулась, раздражённо бросил:

– Ты не брала мою синюю шапочку?

– Какую шапочку?..

– Для плавания! У нас сегодня командный заплыв на пляже. Ладно, нашёл уже, спи, я пошёл.

Хлопнула входная дверь, клацнул язычок замка, и она осталась дома наедине с длинным июльским днём. Уснуть снова уже не получилось. Будь это не выходной, а, например,

понедельник, спалось бы и на камнях. А так Люба сбросила одеяло и пошла умываться. Потом поставила чайник, на автомате приготовила завтрак на двоих и, наконец, окончательно проснулась. Разложила порцию Стаса на три маленькие мисочки и позвала собаку и котов завтракать. Все поели на удивление спокойно и чинно-мирно удалились. «Ни спасибо тебе, ни пожалуйста», – так обычно говорила её мама. «Вечером наверстают», – а это уже её многомудрый опыт.

Из окна лился ровный мягкий свет, и Люба достала вышивку и залюбовалась игрой красок. Картина была как живая. И так щемяще захотелось на море, что хоть плачь. И как мама умудрялась ездить вдвоём с ней каждый год, а она не может даже одна поехать и вообще ладу дать своей бестолковой жизни?

Люба вышивала оливковые деревья, цветные дома, спускающиеся с вершины скалы к тихой маленькой бухте, а нитки, как назло, закручивались, вязались в узелки. Она то и дело осторожно распутывала их, а тут ещё обнаружилось, что сделала ошибку и дальше рисунок искривлялся и сдвигался. Перепроверила по схеме – так и есть: пропустила ряд крестиков, взяла другой цвет и вся сегодняшняя работа на смарку. «Вот Акуля-руки не оттуля, теперь ещё и пори!» – досадовала на себя Люба. Проковырявшись ножничком целый час, вернулась к тому, с чего начинала, но так устала, что разочарованно отбросила работу.

– Видела, что в твоей Италии творится? – ещё из прихожей крикнул вернувшийся Стас.

– Что там творится?

– Ты хоть бы телек включила, сидишь, как в монастыре. Два поезда на полном ходу лоб в лоб столкнулись! Три вагона всмятку, остальные на куски разнесло, больше двадцати человек погибло, может, только в хвостовых кто выжил. Спасатели автогеном вырезают, достают раненых.

– Ужас какой. А где, когда?

– На юге Италии, утром. Я смотрел, у них такая однокорейка убогая, рельсы между оливковыми рощами лежат, как там можно было на скорости врезаться, вообще не понятно.

– А я сегодня тоже оливы вышивала, и нитки постоянно путались... А потом ножницами нитки выковыривала, – растерянно проговорила Люба, почувствовав на лбу холодок.

Это лето тянулось особенно долго. Жара, начавшаяся с июня, всё нарастала и в июле стала удушающей. Город плавился в топке лета, к началу августа высохла трава, с жестяным шелестом падали с веток ржавые листья каштанов. Изредка налетали быстрые грозы, которые не освежали и не приносили прохладу. Казалось, что дождь падает на землю, как на раскалённую сковороду и с шипением отскакивает вверх.

Люба старалась больше быть дома. Выходила только ранним утром на короткую прогулку с Ивушкой или бегала по необходимости через дорогу в ближайший магазин.

Отпуск проходил в череде хлопот по хозяйству. Когда ей становилось грустно или скучно, Люба ложилась спать. Она твёрдо решила, что к следующему отпуску начнёт готовиться зимой, невзирая на прогнозы, и возможные форс-мажоры. Для этого купила тетрадку с красивой серебристой обложкой, чтобы записывать в неё нужное, интересное, всё, что может ей пригодиться и ничего не забыть.

Вышивка была почти готова. У Любы сложилось такое ощущение, что, когда она садилась работать, картина тоже общалась с ней своим особым языком линий и форм, цвета и света, она поднимала настроение, придавала силы, приводила в порядок мысли.

Заканчивалась последняя неделя отпуска и были вышиты почти все тридцать пять с половиной тысяч волшебных крестиков на полотне. Девушка вкладывала в них всю душу, лелеяла свои мечты, надежды. И вот скоро всё закончится. Люба совсем упала духом.

В четверг, за утренним чаем, она смотрела на Стаса, словно ожидая от него какого-то важного решения или хотя бы маленькой порции тепла, ободрения. Ей хотелось, чтобы он сказал, что в следующем году они вместе уедут из жаркого пыльного города. А сначала выберут чудесное место, будут читать отзывы, рассматривать фотографии и подбирать отель поближе к морю.

Но Стас усердно жевал бутерброды, лицо его было невозмутимо и безмятежно. Люба решила всё же сделать попытку.

– В понедельник уже на работу. Так жаль, что мы снова никуда так и не выбрались.

– Да это ты всё сидишь над своей Фата-морганой, как затворница-белошвейка. Чем тебя пляж не устраивает? Я утречком освежусь, на весь день бодрость.

– Так на пляж через весь город тащиться, пока в маршрутке доедешь всю душу вытрясешь, а назад по жаре и духоте ещё хуже.

– Ну, извини, машины у нас нет. А чтобы не душиться в автобусе я пешком хожу!

Полагая, что разговор исчерпан, он взял в руки пульт и навел на телевизор. Из Любиного мобильного тягуче зарыдало танго «Помоги мне, помоги мне! В желтоглазую ночь позови!» и высветился номер двоюродной сестры.

– Привет, Любочка! Как отдыхается, не устала ещё? Я к тебе с малюсенькой просьбой: найди мне закон по защите прав потребителей и, если можно, распечатай. Ты только представь, купила босоножки, поехали с Серёгой в Ялту, два раза по набережной прошлись, а они...

– Да, хорошо, через часик созвонимся.

Стас хмыкнул:

– А у неё самой, что, ума не хватает найти?

– Да у неё даже компьютера нет!

– А почему? Могла бы хоть бэушный взять, что за проблемы?

– Ну, они с тётей считают, что это вредно. Облучение, глаза портятся, спине не полезно...

– А твоей полезно?

Мобильник вмешался снова. Теперь звонила свекровь.

– Люба, здравствуй! У вас все дома?

– Здравствуйте. Это вы о чём?

– Стасик дома?

– А, ну тогда все.

– Тут я в газете прочитала гороскоп на неделю. Пишут, что Ракам жизненно необходимо не покидать дом, поездки и перемещения чреваты финансовыми потерями, он может отравиться летом и подхватить вирус зимой...

– Так ему что, теперь до зимы дома сидеть?

– Надо быть осторожным. Ты потом ему трубку дай, я ему прочитаю. А тебе советуют помнить о сердце и нервной системе. Тебя ожидает ремонт, искушения и перемены в личной жизни. Поэтому тоже будь дома.

– Поняла, спасибо, обязательно предупредите Стасика, передаю, он тут рядом.

И Люба протянула мужу телефон. Стас протестующе замахал руками, потом поморщился и посмотрел на неё с укором.

Через полчаса он мрачно отхлебнул остывший чай и включил телевизор. В кадре появилось что-то напоминающее огромную свалку на холме. Камера приблизилась, и стали видны превратившиеся в груды из битого кирпича и досок дома, с торчащими из них, как поломанные кости скелета, исковерканными кусками арматуры. Рядом – чудом уцелевшая половина дома в разрезе, ещё хранящая признаки недавней жизни: с уютным диваном, книжной полочкой и двумя бокалами на столе.

Внизу – поваленные столбы с разорванными проводами, смятые, похожие на консервные банки, покорёженные автомобили, яркие оранжевые костюмы спасателей и чёрные с желтыми полосами боёвки пожарных, мелькающие пятнами на безжизненно-сером фоне. Камера выхватила крупным планом людей, несущих на досках накрытого покрывалом мужчину со свесившейся рукой мимо старика, сидящего на корточках и отчаянно разгребаящего голыми руками завал из обломков камней на месте своего разрушенного жилища.

Взволнованный голос диктора за кадром комментировал: «В ночь на 24 августа в центральной Италии произошло одно из самых разрушительных за последние годы землетрясений. Погибли около трехсот человек, несколько сотен раненых, более трёх тысяч лишились крова. По словам мэра, разрушенного землетрясением Амагриче, «города больше нет».

— Вот что ты наделала! Тыкала свою Италию иголкой каждый день и дотыкалась!

Люба от возмущения не нашла что ответить. А тем временем на экране появилась женщина с почти чёрной, порванной и пыльной подушкой. Она всё время трясла её перед камерой и что-то возбуждённо рассказывала по-итальянски.

– О, на этой подушке уже человек семь умерли.

Внизу прошли титры перевода: «С одной стороны обвалилась целая стена, но не задела меня. С другой стороны тоже упала стена... очень, очень близко ко мне. Но, к счастью, не задела меня. Потом на меня упал потолок. Я только успела накрыть голову подушкой и осталась жива».

– Так это в корне меняет дело! – воскликнул Стас.

Он сбегал в спальню и сунул в руки Любе её подушку.

– Вот, на всякий случай держи. И вообще, расскажи, сколько у нас запасов риса, гречки, макарон?

– По килограмму точно есть.

– Я вот руку на пульсе мировых событий держу, а ты ни о чём не заботишься. Вот если нас так завалит, что мы будем есть? Дай мне карандаш и листик.

Стас исписал его с двух сторон, глянув на список Люба ужаснулась:

– Да тут грузовик нужен!

– А ты, чтобы не тяжело было, лучше несколько заходов сделай, магазин-то недалеко, через дорогу. И прогуляешься как раз. А я буду следить, что тут происходит.

Люба вышла из дома в каком-то опустошённом состоянии. Всё, чем жила она эти последние месяцы в одночасье рухнуло и превратилось в пыль. Перед глазами всё ещё стояли безжизненные обломки маленьких солнечных городов, которые сейчас больше походили на Бейрут времен гражданской войны прошлого века или сирийский Алеппо наших дней.

Пройдя тенистой берёзовой аллеей, Люба вышла к скверу. Когда-то давно на этом месте был пустырь. Потом появилась большая автостоянка с постоянно лающей лохматой кавказской овчаркой и молчаливым охранником. Через пару лет стоянку демонтировали и поставили камень с надписью, гласящей, что здесь будет выстроен храм. И действительно, прошло совсем немного времени как на этом месте появилась небольшая белая церквушка с золотыми куполами. Вокруг неё высадили сосенки и клёны, разбили клумбы, которые с наступлением первых теплых весенних деньков до поздней осени благоухали и пестрели яркими радостными красками. За церковью приятно журчал и искрился небольшой фонтан, в котором в самые жаркие дни плескалась детвора.

Возле него и решила отдохнуть Люба. На соседней лавочке сидели две крошечные собачки со своей хозяйкой и наслаждались, когда ветер дул в их сторону и фонтанная струя, разбиваясь на миллионы мельчайших капелек, накрывала их легкой водяной вуалью. Собачки довольно шурились, облизывали носики и шерстку.

В истомлённой жарой небесной вышине кучевые облака выстраивались в красивые светлые башенки, украшенные флагами на своих верхушках. Ярко блеснув на солнце, две ослепительно белые треугольные цепочки чаек летели в сторону городского пляжа. А рядом в траве тихонько топтались и ворковали голуби. Стайка была небольшая, но пёстрая. Люба удивилась богатству окрасов таких привычных глазу городских птиц: сизокрылые с зелеными и фиолетовыми переливчатыми шейками, белые мраморные, коричневые, лиловые, иссиня-чёрные, у некоторых были мохнатые лапки, точь-в-точь, щеголи в расклёшенных брючках. Красавцы-голубки, горделиво приосанившись, кружились вокруг ладненьких самочек, а те скромно и деловито паслись, выщипывая семена травы.

Внезапно стая, громко хлопая крыльями, дружно поднялась в небо, сделала несколько кругов над церковью, и снова вернулась на прежнее место, окружив высокого молодого мужчину. В руках у него был синий пакет, из которого он достал буханку хлеба «кирпичиком». Птицы волновались, вспархивая от нетерпения, смешно задирая верх головки с блестящими глазками, а потом радостно набросились на угощение, суется и растопыривая крылья, торопясь, жадничая, толкаясь.

Он отламывал небольшие кусочки, крошил их, аккуратно бросал, стараясь, чтобы досталось и тем, кто подальше. К голубям добавились юркие серые воробьишки, осторожные длинноносые грачи, крикливые галки, расхаживающие пружинистым шагом и шустро выхватывающие свою долю из общей трапезы.

Люба с интересом следила за разнопёрым собранием, и тут мужчина поднял голову, посмотрел прямо на неё и улыбнулся. И эта улыбка была такой светлой и ясной, словно утреннее солнышко просияло. Отчего-то у неё внезапно замерло сердце, а потом тёплая, искрящаяся волна с головы до ног накрыла её, и Люба в полном смятении опустила глаза.

Возле её ног остановилась крошечная синяя радиоуправляемая машинка, подмигнула фарами и с жужжанием рванула дальше, огибая фонтан, как гоночную трассу. За ней радостно протопал загорелый карапуз в белой панамке, следом прошли оживлённо беседующие молодые родители с пультом.

Хотелось просто сидеть и ни о чём не думать, напиваться солнцем, вслушаться в знакомые с детства хаотичные звуки города: нетерпеливое фырчанье моторов машин, слаженный говор деревьев в их, подбитых ветром одежках, легкую музыку, струящуюся из распахнутых дверей кафешки...

Из-под высоких куполов церкви серебристо и певуче ударил большой церковный колокол, потом затрезвонили звонко и переливчато колокола поменьше. Звуки трепетали и плыли в воздухе, отражаясь эхом от стен домов-многоэтажек, наполняя всё вокруг радостной, живой и ликующей вестью.

И снова раздалась три мерных, глубоких удара и с последним их отзвуком, растаявшим в воздухе, резко пахнуло холодом, стало стремительно темнеть. Воздушные облачные башни обрушились, и на их обломках зловеще разрасталась гигантская цветная капуста. Небо затягивало тяжёлыми тучами, похожими на сине-зелёное стёганое одеяло. Через мгновение яркая вспышка молнии с треском разорвала его надвое.

Люба не успела даже встать с лавочки, как её накрыл внезапно налетевший ливень. Будто плеснуло из огромного ведра, и смыло всё, что только что сияло, цвело и очаровывало безмятежностью. Привычное пространство искривилось и расплылось, не оставив ни одной чёткой грани. Леденящий ветер дул сразу со всех сторон, стегал и хлестал водяными струями её по лицу и плечам.

Стая голубей исчезла, редкие прохожие, пригнувшись, бежали к укрытиям, защищая головы пакетами и сумками. У входа в церковь собралась целая толпа застигнутых непогодой людей. Они, наспех перекрестившись, складывали зонтики и заскакивали внутрь под сполохи молний и пушечные раскаты грома.

Люба сидела, поджав ноги, дрожала и даже не пыталась никуда прятаться. Она вымокла до последней нитки и надеялась только на то, что дождь вот-вот закончится. Сквозь густую водную сеть она видела, что прямоком через лужи, перепрыгивая потоки мутной воды, бурлящие вдоль бордюров, к ней приближается размытый мужской силуэт. Большой чёрный зонт скрывал его лицо, но стройная лёгкая фигура и синий пакет в руке, сразу вызвали в памяти образ молодого человека в окружении птиц, и особенно его чудесную улыбку.

Он приблизился и поднял зонт над её головой:

– Почему вы сидите здесь? Вы совсем промокли, так можно простудиться.

В его мягком голосе слышалось искреннее участие, а на порозовевшем лице ярко сияли глаза, в которых плескалась морская и небесная лазурь, подсвеченная в глубине горячими солнечными лучами. Чистые и глубокие, обжигающие до самого сердца глаза, в которые хотелось окунуться и раствориться.

Люба молчала, не замечая, как гулкий грохот ливня отошёл куда-то далеко, и думала о том, что, если он сейчас моргнёт или отвернётся, она не выдержит и мига без этой родной, ласковой и теплой лазури.

Румянец на его щеках стал ярче:

– Вы меня не узнали?

– Вы кормили птиц...

– Мы с вами встречались однажды, возле персиков... Меня зовут Леша.

– И вы собирались их щупать, – рассмеялась Люба.

Над их головами раздался шум, подобный высыпавшимся на металлический лист орехам. С жемчужно-серого неба летел град. Он дробно стучал по зонту, засыпал и забеливал собой лужи.

Люба ахнула, а Лёша подбадривающе улыбнулся:

– Погода, как в Простоквашино.

– Это какая?

– А помните, Шарик предсказывал? – «Ожидаются заморозки, переходящие в наводнение. Ожидается землетрясение, переходящее в солнечное затмение. Местами снег, местами град, местами кислый виноград».

С её мокрых волос и ресниц, словно слёзы, сбегали по лицу струйки воды. Леша расстегнул ветровку, и осторожно привлёк Любу к своей груди и ладонью заботливо укрыл её голову от ветра. Его теплые чуткие пальцы ласково провели по щеке, вытирая капли: «Не надо плакать, теперь всё будет хорошо». Ладони пахли хлебом и были такими родными, как будто она сама касалась своего лица.

«Я не плачу, я никогда не буду больше плакать», - хотела сказать Люба, глядя в добрые, искрящиеся солнечными тёплыми зайчиками глаза. Но уже настоящие горячие счастли-

вые слёзы подступили и неудержимо хлынули, смывая всё, что можно смыть слезами.

Они согрелись и выглянули из-под зонта. Град прекратился. На полуденном промытом небе светилась радуга разноцветным волшебным куполом. Лёша закрыл зонт, они взялись за руки и пошли по мокрой дорожке обновлённого скверика.